

III. СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

6

Характер революционных периодов в основных странах мира (XVII–XXI вв.)*

Борис Михайлович Кондорский
Независимый исследователь

Исторический процесс автор рассматривает как последовательность основных этапов, каждый из которых характеризовался своим архетипом, характером исторического сознания и социального пространства. Переход от одного этапа к другому происходил революционным путем. Именно революции формировали потенциал последующего развития. Можно выделить следующие основные революции и соответствующие этапы: неолитические, архаические, феодальные, революции Нового времени. Помимо этапов, автор выделяет две эпохи – социальную и общественную, что предполагает принципиальные различия между категориями «социум» и «общество». Период формирования всего того, что характерно для нового этапа, представлял собой временную систему, имеющую свои объективные законы. В статье рассмотрены основные закономерности революционных периодов (РП), характерных для революций Нового времени. Выделены три основных группы государств в зависимости от сроков наступления и характера протекания РП. Рассмотрены и проанализированы базовые особенности, присущие РП в основных европейских странах, США, России, Китае, Турции и Иране, арабских странах.

Ключевые слова: основные этапы исторического развития, революции, история Англии, история США, история Франции, история Германии, история России, история Китая, история Турции, история Ирана, история арабских стран.

* **Для цитирования:** Кондорский Б. М. 2025. Характер революционных периодов в основных странах мира (XVII–XXI вв.). *Эволюция: Грани эволюции* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель. С. 168–200. DOI: 10.30884/978-5-7057-6518-8_06.

For citation: Kondorsky B. M. 2025. The Nature of Revolutionary Periods in the Main Countries of the World (17th – 21st Centuries). *Evolution: Edges of Evolution* / Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Volgograd: Uchitel. Pp. 168–200 (in Russian). DOI: 10.30884/978-5-7057-6518-8_06.

Революционная концепция процесса исторического развития

Каждое событие, каждое явление в истории человечества является частью, элементом системы, развернутой в пространстве и во времени. И для того чтобы понять, что мы имеем сегодня и что нас ждет завтра, нужно проанализировать все основные события данной исторической системы, обусловленные действием ее объективных законов.

В процессе исторического развития можно выделить ряд основных этапов, каждый из которых имел свой архетип и характеризовался определенным типом исторического сознания и социального пространства. Переход от одного этапа к другому всегда происходил революционным путем. Именно революции формировали потенциал последующего развития. Здесь можно выделить следующие основные революции и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные и революции Нового времени (Кондорский 2020б: 402).

Архаические революции знаменовали собой появление античных полисов в Греции и Италии. Однако подобного рода изменения, определившие развитие цивилизаций здесь в течение тысячи лет, имели место и на Ближнем Востоке, и в Северной Индии, и в Китае (Кондорский 2013: 17). Формирование нового этапа обычно начиналось как бы «с чистого листа». В основе вышеперечисленных цивилизаций лежали примитивные пастушеские племена, мигрировавшие в данный регион. Отсутствовала простая линейность процесса исторического развития. Каждый новый этап имел форму своеобразного «витка».

Помимо вышеуказанных этапов, можно говорить о двух основных эпохах в истории человечества. Первую эпоху можно назвать социальной, а вторую – общественной, что предполагает принципиальные отличия двух категорий – социума и общества (Кондорский 2021б: 86–87).

Элементом социума является человек, индивид как личность. Социум выступает как форма совместного существования. Можно говорить о типах социума в зависимости от исторического периода. Элементом общества является деятельность человека. То есть общество по своей сути носит функциональный, отчужденный от социальных институтов характер. Основу общества составляют экономическая и политическая системы, экономические и политические отношения. Начиная с середины XX в. все большее значение стали приобретать и другие общественные системы: спортивная, массовой культуры, научная, экологическая и т. д.

Данная концепция различает буржуа и капиталистов. Буржуа – понятие социальное, капиталист – категория экономическая. Один и тот же человек как буржуа должен тратить деньги на поддержание своего престижа и имиджа сообразно положению в социуме, а как предприниматель-капиталист должен вкладывать полученную прибыль в расширение производ-

ства. Так же как пролетарий вынужден продавать свою рабочую силу этому капиталисту. Вынуждают законы общества, независимые от социального сознания.

В обществе человек подчиняется его законам (должен подчиняться). В социуме – подчиняться воле (прямой или отчужденной в форме права). В первом случае наблюдается господство законов общества, во втором – господство воли и его носителя. Капиталист имеет успех или разоряется не по социальным, а по экономическим законам. То же самое относится и к политической составляющей обществ.

Революционный период

На каждом новом этапе исторического развития имела место временная система (имеющая свою специфику и объективные законы), в рамках которой происходил процесс формирования нового архетипа, нового типа исторического сознания. Основная суть революционных процессов в этот период заключалась, помимо вышесказанного, в устранении носителей «старого сознания».

В данном случае речь пойдет о революционных периодах (РП) революций Нового времени. Мы здесь не используем устоявшийся термин «буржуазные революции». Ниже на примере Франции будет показано, что буржуазия того времени не была движущей силой революции и прекрасно себя чувствовала в условиях Старого порядка.

Революции (и последующие контрреволюции) в одной стране составляют РП как целостную систему в пространстве и во времени. Конкретные революции – лишь проявление глубинных процессов. РП заканчивается тогда, когда ликвидируются все препятствия для свободного развития нации, когда в обществе создаются условия, исключающие возможность каких-либо революционных событий. Отдельные элементы и положения данной теории были изложены автором более чем в 20 публикациях (Кондорский 2017а; 2017б; 2020а; 2022; 2024).

Все основные государства, в зависимости от сроков наступления РП и характера его протекания, можно разделить на три основные группы: страны первой генерации (СПГ), второй генерации (СВГ) и третьей генерации (СТГ). К СПГ можно отнести Нидерланды, Англию, США, Францию. В каждой из этих стран РП имел свою специфику. В Англии РП закончился Славной революцией, в США – периодом Реконструкции после окончания Гражданской войны, во Франции – учреждением Третьей республики.

В большинстве европейских стран (Германии, Италии, Австрии, Венгрии) и Японии РП начался в середине XIX в. и завершился уже после окончания Второй мировой войны. В СТГ – России, Китае, Турции, Иране, Индии, балканских и латиноамериканских государствах – РП ограничился рамками XX в. Обращает на себя внимание тот факт, что начиная с 1990-х гг.

военные перевороты в латиноамериканских странах практически прекращаются. Отдельную группу составляют арабские страны, где РП начался только после окончания Второй мировой войны и закончится не ранее середины XXI в. «Арабская весна» как раз и стала проявлением здесь революционных процессов. В рамках данной концепции основной единицей классификации являются не отдельные революции, а РП в каждом из основных государств. Получается нечто похожее на таблицу Менделеева.

Следует отметить, что революции не обязательно знаменуют начало РП. Несмотря на то что Испания в XIX в. пережила пять революций, слабость и нерешительность буржуазии, неумение и нежелание организовать эффективную диктатуру своего класса каждый раз приводили к восстановлению реакционных порядков. РП здесь реально начался только во второй половине XIX в. и закончился со смертью Ф. Франко. Аналогичная ситуация имела место в Мексике (как СТГ), где революционные события предшествовали РП, который в XX в. прошел достаточно спокойно. Обратная картина наблюдалась в Скандинавских странах. Здесь РП имел место без конкретных революций.

Возникает вопрос, какой основной фактор повлиял на сроки наступления РП и специфику его протекания. Анализ предшествующего исторического развития в рассматриваемых странах показал, что просматривается определенная связь с характером и уровнем феодальных революций.

Когда мы говорим о феодальной революции в Западной Европе (в первую очередь на территории нынешней Франции), нужно иметь в виду, что собственно германские племена (франки) исторически к этому отношения не имели. То же самое относится к реликтам романского населения. К моменту феодальной революции (на рубеже 1-го тыс. н. э.) уже не было ни того ни другого. Регулярные «перетряски» населения, отягощенные постоянными набегами норманнов, арабов, венгров, привели к появлению общин, лишенных и варварского, и латинского сознания. Появилась потребность в тех, кого мы называем феодалами (Кондорский 2024: 81).

В то же время в Германии присутствовала племенная составляющая в сознании местных феодалов – бывших вождей германских племен, что и предопределило более поздние сроки начала здесь РП по сравнению с Францией.

В России феодальная революция имела место уже в рамках формирующегося Московского государства, на 300–400 лет позже, чем в Западной Европе. Для нее были характерны заметный уровень преемственности с периодом Киевской Руси и процессы устранения носителей старого сознания посредством репрессий против городских общин (Он же 2021а: 58). Еще в большей степени это было характерно для Китая (Он же 2016). Это обусловило принадлежность обоих государств к СТГ.

Для РП характерны специфические законы. В этот период все политические режимы имеют, в той или иной степени, черты диктатуры (особенно во время самих революций). Характер диктатуры зависит от этапа революции и выражает интересы того или иного класса. Каждая диктатура выполняет определенные исторические задачи.

Насколько эффективно она это делает и какой ценой – это уже другой вопрос. Якобинская диктатура сделала невозможным восстановление абсолютистских порядков во Франции, так же как это сделала диктатура Кромвеля в Англии (несмотря на последующие реставрации).

Во Франции – якобинская диктатура, Директория, диктатура Наполеона. Относительно либеральное правление Людовика XVIII сменяется диктатурой Карла X. На смену режиму Луи-Филиппа с элементами парламентской демократии вновь приходит диктатура Наполеона III.

Попытки либерализации власти в РП, как правило, способствовали появлению классических диктатур. Демократическая (внешне) Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перманентного кризиса, породила жесткую национал-социалистическую диктатуру. Аналогичная ситуация имела место в Испании в 30-е гг.

Эффективность диктатуры в РП можно проследить на примере Наполеона III, который в свое время часто изображался в карикатурном виде. Запретив политические партии, Наполеон исходил из убеждения, что они выражают не чаяния народа, а корыстные интересы отдельных фракций элиты. Проводя социальную политику, он обеспечил полную занятость и постоянный рост заработной платы. По уровню экономического развития к концу его правления Франция превратилась во вторую после Англии мировую державу (Черкасов 2012).

Можно вспомнить и более свежий пример, связанный с успешной индустриализацией в условиях диктатуры на Тайване благодаря деятельности сына Чан Кайши – Цзян Цзинго. Поработав в 1930-е гг. на заводах Советского Союза и пройдя школу советских пятилеток, Цзян Цзинго, став президентом после смерти отца, успешно использовал весь свой опыт в деле строительства современной экономики Тайваня (Ларин 2000).

В то же время неспособность буржуазии после Февральской революции создать диктатуру своего класса предопределила Октябрьскую революцию. Политическая слабость российской буржуазии нашла свое выражение в составе Временного правительства, в первую очередь в лице его главы А. Ф. Керенского – блестящего адвоката, но бездарного политика. То же самое относится и к другим «временным» министрам.

С XVI в. начинается процесс формирования национальных государств. Политическая власть концентрируется в руках короля, который становится абсолютным монархом. Собственность на землю остается у феодалов, которые трансформируются в дворянское сословие. Происходят изменения

в сознании, которые тонко подметил М. Сервантес в своем бессмертном творении.

Формируется межгосударственная европейская политическая система. Действие ее законов проявляет себя уже во время Тридцатилетней войны. Ришелье, будучи католическим кардиналом и первым министром католической страны, тем не менее оказывал всяческую поддержку антигабсбургской протестантской коалиции. Юридически это пространство было оформлено уже Вестфальским миром. Любое проявление явной гегемонии встречало противодействие со стороны большинства европейских стран. Классическим примером стала Война за испанское наследство.

В РП происходит окончательное оформление нации и национального государства. Здесь следует обратить внимание на то, что формирование нации носит объективный характер, а строительство национального государства – субъективный. Многое зависит от появления политиков, деятельность которых направлена на устранение внешних и внутренних факторов, препятствующих становлению национального государства (в том числе и военным путем). В этом плане необходимо отметить выдающуюся роль О. фон Бисмарка.

Только государства, где уже закончился РП, могли быть полноправными субъектами геополитического пространства. В свое время этим удачно пользовалась Англия. Начиная с XVIII в. во всех коалиционных войнах в Европе конечным победителем оказывался «коварный Альбион». После окончания Первой мировой войны только три страны, покончившие в свое время с «революционными разборками», – Великобритания, Франция и США, являющиеся субъектами геополитического пространства, – оказались реальными победителями.

Отсутствие геополитической субъективности способствовало тому, что страны, находящиеся в состоянии РП, не имели определенного положения в геополитическом пространстве, не имели точки опоры. Как результат – практическое отсутствие внешней политики, отвечающей реальным национальным интересам. Обычно это проявлялось в возрастании внешнеполитической активности, не имеющей определенного вектора. В этом отношении можно сравнить Францию времен Первой и Второй империй (Желубовская 1956: 112–113) и уже в постреволюционный период. Особенно авантюрный характер носила попытка Наполеона III сделать Мексику империей на штыках французского экспедиционного корпуса.

Колониальная политика Германии при Вильгельме II создавала больше проблем, чем приносила доходов (о чем предупреждал Бисмарк) (Уткин 2001: 11). То же самое относится к Италии. Не соответствовала реальным национальным интересам попытка императора Вильгельма создать флот, равный по мощи английскому (Брюханов 2005: 240), что и показали события Первой мировой войны. Здесь мы сталкиваемся с доминированием престижного фактора.

Основной причиной международной напряженности в начале XXI в. стало то, что целый ряд ведущих СТГ, в которых в 1990-е гг. закончился РП (в первую очередь Россия, Китай, Турция и Иран), став субъектами геополитического пространства, начали претендовать на свою «законную» зону влияния. Это вызвало не совсем положительную реакцию со стороны западных стран. Последние события на Украине, которая является более чем естественной и жизненно важной зоной геополитического влияния России, следует рассматривать именно в этом разрезе.

Сейчас идет передел геополитического пространства и зон влияния, с одной стороны, между старыми (западными странами) и новыми субъектами, а с другой стороны, между самими новыми субъектами геополитического пространства. С этой точки зрения конфликт между Россией и Турцией был неизбежен, так как у них в рамках геополитического пространства много точек противоречий на Ближнем Востоке и в Закавказье. Однако если с «коллегами» по СТГ можно договориться, найти общий язык (что и произошло с Турцией), то с СПГ и СВГ (Западом) отношения носят антагонистический характер. Любые долгоиграющие договоренности между этими системами в настоящее время просто невозможны.

Окончание РП знаменуется установлением определенного типа политической и экономической систем, гражданского общества и демократии в соответствии с цивилизационной спецификой данной страны. Например, в Турции вышеперечисленные институты имеют определенную исламскую составляющую, которая носит еще более выраженный характер в Иране. В этом государстве демократия в плане своего базиса (а не надстройки) принципиально ничем не отличается от таковой на Западе.

Англия

Начало капиталистической эры в Англии К. Маркс относит к XVI в. Хотя первые зачатки капиталистического производства были характерны для Средиземноморья еще в XIV в., а затем проявили себя в Нидерландах в XV в., страной классического капитализма все-таки стала Англия. В первых двух случаях, выражаясь «биологическим языком», речь шла об ин-адаптивных ветвях, которые в рамках биологической эволюции имеют слабый потенциал развития.

Возникает вопрос – почему именно Англия? Как известно, в 1066 г. эта страна была завоевана рыцарским войском нормандского герцога Вильгельма. В свою очередь территория Нормандии была завоевана норманнами – изгоями из различных регионов Скандинавии – еще в конце IX в. Лишенная общинного сознания нормандская элита легко приняла феодальные порядки в рамках феодальной революции на территории нынешней Франции, то есть феодализм был привнесен в Англию нормандскими баронами уже в готовом виде. Свою роль в появлении сознания,

характерного для Нового времени, сыграла Война Алой и Белой розы, в процессе которой были истреблены носители феодального сознания.

Уже в XIII–XV вв. происходит процесс разложения феодальной собственности в Англии. В XVI–XVIII вв. в английской деревне проявляют себя законы капитализма. Денежная рента превращается в капиталистическую. Происходит вытеснение крестьянства классом капиталистических фермеров. Имеет место экспроприация крестьян – владельцев земли и замена их капиталистическими арендаторами. Земля превращается в предмет свободной продажи (Лавровский 1958: 12–14). Следует также вспомнить, что раскрестьянивание в процессе огораживания при Тюдорах носило не просто жесткий, а более чем жестокий характер.

На этом фоне разгорелся конфликт между королем и английским парламентом еще в начале XVII в., при Якове I. Парламент, имевший 400-летнюю историю, в своем противостоянии с королем опирался на новое дворянство, городскую верхушку, йоменри (мелких землевладельцев). Главным «камнем преткновения» был вопрос, имеет ли король право вводить новые налоги и пошлины без ведома и согласия парламента.

Естественный процесс развития парламентаризма в Англии привел к тому, что парламент становился независимым (в правовых пределах) политическим институтом. Соответственно, политическая власть короля должна была быть ограничена (по крайней мере, касательно внутренней политики). Естественность этого процесса и Яков I, и его сын Карл I не понимали и не хотели понимать. У. Уолвин (памфлетист и активный участник революции) писал, что вся власть, которой кто-то обладает, представляет собой полномочия, которые вы передаете этим людям для использования в ваших интересах. Злоупотребление этой властью является тяжким преступлением (Бацер 2002: 101).

Попытка Карла обойтись без парламента (с 1611 по 1640 г. парламент не заседал и двух лет) резко обострила ситуацию в стране. Оппозиционное население отказывалось платить налоги. В октябре 1640 г. состоялись выборы нового парламента, который повел решительное наступление на прерогативы королевской власти. С середины 1641 г. парламент взял на себя исполнение правительственных функций, присваивает право распоряжаться казной, распускает королевскую армию и создает парламентскую. Этому парламенту суждено было стать Долгим.

Следует обратить внимание, что Долгий парламент принял самое активное участие в процессе раскрестьянивания. Обуржуазившееся дворянство узурпировало право частной собственности на землю. Произошла коренная ломка феодальных поземельных отношений в пользу лендлордов на основе решений Долгого парламента (1645–1646 гг.) (Барг 1967: 32).

Во время Английской революции важную роль играл религиозный фактор. Точнее, его политизация. Речь идет о пуританизме и радикальных его течениях. Пуритане считали, что если светская власть требует чего-то,

противоречащего воле Бога, ей нельзя подчиняться. Особой популярностью это религиозное направление пользовалось среди городской верхушки. Характерной чертой пуритан историки считают их заряженность на борьбу за свои идеи (Ерохин 2017: 565–569). Нечто подобное было характерно уже для светских революционеров, начиная с Французской революции.

В мае 1647 г. сформировался особый орган – Совет армии, который постепенно становился институтом государственного управления. Одновременно под влиянием радикального течения левеллеров в армии появились «советы солдатских агитаторов» (Левин 1973: 27). После казни короля начался процесс поиска приемлемой формы государственного управления. Все это закончилось установлением О. Кромвелем своей личной диктатуры.

Реставрация монархии после смерти Кромвеля явилась следствием консервативности зажиточных слоев населения, которые хотели порядка и определенности в управлении государством. Однако Карл II и особенно его брат Яков II попытались восстановить абсолютистские порядки. Это встретило отпор со стороны буржуазии, ориентированной на финансовую, торговую, промышленную и политическую экспансию по всему миру (Томсинов 2010: 4). На английский престол был приглашен правитель Нидерландов Вильгельм Оранский – муж дочери Якова II Марии. Это событие впоследствии получило название Славной революции, подчеркивающее бескровный характер переворота.

Был принят так называемый Билль о правах, который сыграл исключительно важную роль в дальнейшем политическом развитии страны. Принятие Билля было связано с неправомерными действиями предыдущих монархов и должно было обеспечить защиту от подобного рода действий (Сидоренко 2013: 84). В. А. Томсинов считает, что по итогам Славной революции возникла принципиально новая форма монархии – «монархия Билля о правах», в которой роль короля утрачивала свое значение, а парламент становился постоянно действующим органом (Томсинов 2010: 234–235).

В Англии утверждается первая внутригосударственная политическая система, в отличие от межгосударственной Вестфальской системы европейского равновесия. Появляются соперничающие группы в лице тори и вигов, которые можно назвать политическими партиями. Официальный статус получает оппозиция. Значительную роль начинают играть общественное мнение и пресса (Сидоренко 2013: 89).

Несмотря на наличие многочисленных рецидивов архаического характера, в Англии в период РП мы имеем архетип, который мало чем отличался от классических РП в последующие периоды исторического развития. РП в Англии – это, по существу, сплошные диктатуры: Якова I, Карла I, парламента, армии, Кромвеля, Якова II, Вильгельма Оранского.

Единственное, что Английская революция, в отличие от Французской, не оказала какого-либо определяющего влияния на политические процессы в Европе того времени.

Франция

Во Франции в XVI в., по существу, не было феодализма как системы не только в экономическом, но и в ментальном отношении. Генрих II (погибший на рыцарском турнире) в этом плане принципиально отличался от Генриха IV, открывшего эпоху французского абсолютизма, который достиг своего апогея при его внуке. Людовик XIV полностью взял бразды правления в свои руки. Политическая власть, государственный суверенитет были полнотой и нераздельностью собственностью монарха (Поршнева 1948: 592).

Внутри государства любые проявления политического как со стороны третьего сословия, так и со стороны дворян пресекались самым жестким образом (Кожокин 1989а: 54–55).

В период, предшествующий революции, от абсолютной власти короля осталась одна оболочка. Буржуазия начала играть в управлении государством более чем заметную роль. Под буржуазией того времени (именно в рамках так называемого Старого порядка) следует понимать верхушку городских жителей: держателей должностей, торговцев, получателей различного рода рент и ведущих буржуазный образ жизни (Чудинов 2007: 110). По нашему мнению, основным критерием принадлежности к буржуазии следует считать наличие состояния. Именно состояния, а не капитала.

В дореволюционной Франции не было собственно капиталистической системы. Очень осторожно следует относиться к «развитию капиталистических отношений» в этот период (Люблинская 1982: 170). Поэтому использование таких категорий, как «капитал» и «прибыль», только запутывает ситуацию. Правильнее говорить о состоянии-имуществе и получении с него дохода. Состояние могло иметь денежную форму, земельную, рентную (в виде облигаций государственного займа). Наконец, форму должности, которая давала устойчивый доход и могла передаваться по наследству. Подобного рода владельцы могли стать дворянами (дворянство мантии). При этом разница в характере сознания и образа жизни дворянства мантии и собственно буржуазии третьего сословия была не существенна.

Приобретая должность, буржуа становился в определенной степени носителем суверенитета. Должность подразумевает сообщение государственного суверенитета частному лицу (Поршнева 1948: 593). Должностные лица здесь больше собственники должностей, чем чиновники, к тому же в известном смысле независимые от короны (Малов 1991: 11–12). Парижский парламент отказался внести в свои регистры королевские указы о реформах Тюрга (контролера финансов) (Ревуненков 1989: 57). Можно

сказать, что в XVII–XVIII вв. шел необратимый процесс отчуждения власти в пользу завоевывавшего все большую независимость бюрократического аппарата (Кожокин 1989а: 6).

Главным препятствием развития капиталистических отношений были корпоративные перегородки. Негоцианты, занимавшиеся международной торговлей, отделялись от торговцев, финансисты боролись с банкирами (Он же 1989б: 31). Высокий доход, который приносили должности и откуп, отклоняли «капитал» от промышленности и торговли (Поршнева 1948: 615). Корпоративная раздробленность определяла ситуацию в стране. Можно сказать, что Революция устранила не «феодално-абсолютистский режим», а корпоративную структуру общества в данный период. Корпоративная организация общества с ее иерархией, привилегиями и частными правами представляла непреодолимый оплот против применения суверенной власти в полном объеме (Генифе 2003: 49).

И только Революция, забрав у абсолютного монарха суверенитет и вручив его нации, смогла в короткий срок провести радикальные реформы, заложив основы уже государства совершенно нового типа (Там же). Теперь суверенитет принадлежал только народу. Только от народа могла исходить всякая власть (Собуль 1974: 20). Страна была разделена на 83 департамента. Все старые судебные учреждения, включая парламент, были ликвидированы. Были введены три прямых налога взамен прежней сложной и запутанной системы (Ревуненков 1989: 118–119).

Что касается террора, то его основная задача заключалась в устранении носителей «старого сознания». Во Франции во время якобинской диктатуры террор перешел «точку невозврата» и превратился в автономное явление, подчинив своей воле Робеспьера и его окружение. Нечто похожее наблюдалось в 1937–1938 гг. в Советском Союзе.

Реставрация Бурбонов не смогла восстановить старый режим. Когда Карл X попытался это сделать, его свергли (Хобсбаум 1999: 255). Однако капиталистическая система, капиталистические отношения еще не стали господствующими, в первую очередь в том, что касается типа сознания. Это способствовало тому, что промышленная революция во Франции реально началась только во второй четверти XIX в.

Отрицательную роль сыграло доминирование финансовой аристократии в экономической и особенно политической сфере в период Июльской монархии. Правительство финансистов довольно прохладно относилось к строительству железных дорог, в результате чего Франция в этом отношении заметно отставала не только от Англии, но и от США (Потемкин 1971: 291). И только политизация широких буржуазных слоев в 1840-е гг. способствовала переходу промышленной революции на качественно новый уровень (Ревякин 1988: 179).

Основу РП составляет формирование нации, национального сознания данного государства. При этом нация, политическая и экономическая система, государство, элита образуют единое органическое целое (в идеале) со своими законами, где вышеуказанные категории теряют свою самостоятельность и превращаются лишь в составляющие этой системы. При этом национальное сознание, национальные интересы являются первичными по отношению к нации как совокупности граждан данной страны. Вышеуказанные категории принимают форму автономного сознания, независимого от сознания личности. Индивидуумы превращаются лишь в носителей этого сознания. То есть господство человека и его воли сменяется господством данного типа сознания и соответствующих законов.

Во Франции идея нации становится доминирующей во времена Второй империи. Еще к началу Революции 1789 г. нация как этническая, как языковая, культурная, историческая общность существовала уже давно в рамках единого государства и в ходе революции выступала как действующий субъект. Национализм Наполеона III ставил задачу, состоящую в том, чтобы осуществить социальную, правовую и политическую интеграцию французов в суверенную государственную нацию (Фалькович 2001: 41).

США

Война за независимость в североамериканских колониях была одновременно и социально-политической революцией. Несмотря на отсутствие здесь старорежимных структур – объектов радикального насилия, по отношению к жителям колоний, выступивших на стороне английской армии, были предприняты репрессивные меры в виде конфискации имущества. Конфликт существовал и внутри революционного лагеря, но он был намного слабее, чем в рамках большинства европейских революций (Согрин 2005).

Одной из наиболее характерных черт революционной эпохи является создание самочинных и нелегальных организаций, преследующих цели агитации и политической деятельности. Для американских колоний в 50-е гг. XVIII в. было характерно создание политических клубов на волне радикальной оппозиции парламентской политике Англии. В колониях появились организации «Сыны свободы», которые объединяли в своих рядах и купцов, и адвокатов, и рабочих. К началу 1770 г. не было ни одного крупного города, не имевшего своей партии. Был образован Континентальный конгресс, объединявший представителей от ассамблей всех колоний (Аптекаер 1962).

На центральное место в период революции американцы ставили право на участие в политической жизни. Формой участия был общественный договор как соглашение между всеми членами общества. В политическом словаре американской революции слово «общественный договор» уступа-

ет слову «конституция». Единственным источником конституции является народная воля (Согрин 1980: 153–154). Так сложилось, что исторически конституция для американского общества превратилась в своеобразную мантру.

Американская революция оказала определенное влияние на события Французской революции. Дело в том, что Франция, помимо поставок оружия и боеприпасов, послала на помощь американцам экспедиционный корпус. Вернувшись из Америки, добровольцы и солдаты в самых глухих деревушках рассказывали о демократической стране, в которой нет ни короля, ни двора, ни аристократии, лишь одни граждане, полное равенство и свобода (Цвейг 1989: 225). То же самое касается офицеров, которые не встали на защиту короля во время Революции.

РП в США закончился Гражданской войной 1861–1865 гг., а точнее, периодом Реконструкции Юга (1866–1867 гг.). То есть даже самая «демократическая» страна в РП не обошлась без диктатуры. Весной 1866 г. американская буржуазия под давлением народных масс была вынуждена пойти на установление революционной диктатуры (Блинов 1960: 327). Внутренний рынок Юга был включен в состав общего внутреннего капиталистического рынка страны (Там же: 330). Ведь одной из основных причин войны между Севером и Югом было то, что хлопок из рабовладельческих штатов в основном вывозился в Европу, там же закупались различного рода товары (Хобсбаум 1999: 248).

Следует обратить внимание на один важный фактор, который в той или иной степени присутствует во всех гражданских войнах и на который обычно не обращают должного внимания. Речь идет о ментальном разломе. В качестве примера можно привести известный роман М. Митчелл «Унесенные ветром», в котором ненависть к янки была обязательной среди элиты Юга. В романе северяне изображены как исчадия ада. В них нет ничего, что могло бы вызвать симпатию. Рабовладельческий Юг изображен как отдельный мир, кардинально отличающийся от североамериканского (Архангельская 2014: 270).

Страны второй генерации

К СВГ в Европе следует отнести Германию (германские государства), Австрийскую империю и Италию. Более низкий уровень промышленного развития по сравнению с Великобританией и Францией во многом был связан, по нашему мнению, с сугубо континентальным положением вышеперечисленных государств, их отрывом от колониальной торговли. Здесь можно говорить об элементах изоляции, которые в мировой истории всегда замедляют процесс исторического развития.

РП во Франции оказывал во многом определяющее влияние на революционные процессы в СВГ. Революция 1830 г. оказала значительное воздействие на Италию (Ковальская 1981: 34). Свержение Июльской монархии не только вызвало целую волну революций в Германии, Италии, Австрии («Весну народов»), но затронуло Скандинавские страны и даже Дунайские княжества и Галицию. Венгерские революционеры глубоко изучали революционные процессы и события во Франции и находились под их влиянием (Авербух 1965: 52–53).

Подобного рода революции имели две основных составляющих – либерально-буржуазную и национальную. В восстании участвовали все слои городского населения: дворянство, буржуа, студенчество, лица свободных профессий, ремесленники, торговцы, рабочий люд (Фалькович 2001: 112). Основные требования касались предоставления буржуазных свобод, включая политические права (Авербух 1965: 83). Буржуазия в этих странах до 1848 г. практически не участвовала в политической жизни (Удальцов 1947: 55). Следует обратить внимание, что в итальянских государствах в 20–30-е гг. XIX в. в тайных обществах активное участие принимала и титулованная знать (Федоров 1998: 113).

Что касается крестьян, то их основные требования были связаны с отменой барщины, которая, например, в Венгрии составляла от 50 до 100 дней в году (Авербух 1965: 10). Речь также шла о восстановлении сервитутных прав на бывших общинных землях (Федоров 1998: 110). Следует отметить, что в этот период даже в собственно Австрии крестьяне жили впроголодь (Авербух 1970: 48). Сказались процессы раскрестьянивания и присвоения общинных земель. В дальнейшем, добившись выполнения своих требований, крестьяне уже не принимали участия в революционных процессах (Фалькович 2001: 56). Обращает на себя внимание, что в вышеуказанных странах отсутствовали революционные диктатуры в первой половине РП.

В отличие от Венгрии и особенно итальянских государств, где тайные общества были обычным явлением, в собственно Австрии и германских государствах перед 1848 г. отсутствовали какие-либо неофициальные организации революционной ориентации, хотя и в марте, и в октябре революционные события в Вене носили массовый характер. Имели место столкновения с войсками. Восставшими был захвачен даже арсенал. Однако отсутствие руководящей силы свело все это в конечном итоге к установлению ограниченной конституции и избирательного права (Розов, Цыганков 2019: 85).

Для германских государств был характерен революционный консерватизм и после 1848 г., и в рамках Германской империи, и во время Ноябрьской революции. Вообще в СВГ отсутствовали какие-либо гражданские войны, не считая войн освободительного характера в Италии и Венгрии. В Германии большое влияние имел широкий слой бюргеров, отли-

чавшийся традиционным консерватизмом (Розов и др. 2018: 249). Однако, несмотря на то что революция 1848 г. не достигла своих основных целей, был открыт путь капиталистической трансформации общества и бурному развитию промышленного производства в Германии.

Особое положение в системе СВГ занимала Испания. Как уже говорилось выше, реально РП здесь начался во второй половине XIX в. в районе четвертой и пятой революций, когда пошел необратимый процесс формирования единой нации (национального сознания), политической и экономической систем. Просматривается определенная закономерность. Если вначале движущей силой революций было офицерство, затем либеральная буржуазия, то во второй половине XIX в. происходит проникновение социалистических идей. Во время четвертой революции в 1856 г. в революционных событиях активное участие принимали рабочие отряды. В 1870 г. в Барселоне состоялся первый национальный конгресс интернационала (Майский 1957: 168).

В Испании долгое время сохранялись достаточно развитые корпоративные структуры. В первую очередь это касается армии и церкви. На примере Франции автором было показано, что корпоративность препятствует прогрессивному развитию. Привилегированным слоем была финансовая олигархия, которая, опять же на примере Франции, не отличалась особой прогрессивностью. Среди владельцев промышленных предприятий было много титулованной знати. Святые отцы охотно покупали акции различных акционерных обществ, активно занимались торговлей. Политическая власть фактически принадлежала крупным землевладельцам (Майданик 1960: 10–11). Только после Первой мировой войны все большее влияние начинает приобретать промышленная буржуазия (Гарсиа 1963: 27).

При диктатуре генерала Примо де Ривера (1923–1930 гг.) были предприняты попытки сделать ставку на государственный национализм на основе принципа государственного регулирования и контроля в экономической сфере (Волкова, Дементьева 2005: 12).

Еще в большей степени это было характерно для Японии, которую также следует отнести к СВГ. Здесь на начальном этапе инициатором строительства промышленных предприятий выступило государство, которые затем были проданы в частные руки на льготных условиях (Лебедева 1996: 66). Огромные средства, полученные от государства даймэ (владельцами князями) и самураями, были вложены ими в промышленную и банковскую сферы (Жуков 1998а: 479).

Можно сказать, что Испания и Япония занимали промежуточное положение между СВГ и СТГ, хотя были ближе к СВГ. Обращает на себя внимание, что во всех СВГ, за исключением Испании, РП закончился после Второй мировой войны. Определенную роль в ускоренном развитии в Японии капиталистических отношений сыграла ликвидация в XVI в.,

во время гражданских войн, носителей феодального сознания, так же как это произошло в Англии во время войны Алой и Белой розы.

Германия

В 1871 г. О. фон Бисмарк совершил революцию сверху, объединив германские государства «железом и кровью», хотя это касалось внешних государств, которые мешали данному процессу, – Австрии и Франции. Был сформирован режим, который отвечал европейским требованиям второй половины XIX в. В кайзеровской Германии существовало гарантированное право на политическое участие. Рейхстаг избирался прямым и равным голосованием. Значительная часть депутатских мандатов принадлежала социал-демократической партии социалистической ориентации (Винклер 2013: 15–16). Однако во время Первой мировой войны Германская империя как союз 25 государств показал определенную внутреннюю слабость.

Ноябрьская революция, как известно, началась с восстания моряков в Киле. Просматривается сходство с Февральской революцией в России. Революция быстро распространилась по всей Германии. Как и в России, ни одна из политических сил не ожидала подобного развития ситуации. Так же как во время февральских событий, практически обошлось без кровопролития. В Бремене гарнизон перешел на сторону восставших. Начали учреждаться рабочие советы (Берштейн 1922: 18). К восставшим примкнул даже батальон егерей, считавшийся особенно верным кайзеру (Там же: 34). Как не вспомнить здесь командира гвардейского флотского экипажа Кирилла Владимировича с красным бантом на груди! Вильгельм II, так же как и Николай II, отрекся от престола без какого-либо сопротивления.

Главное различие заключалось в том, что в Германии не было своей Октябрьской революции. В отличие от кадетов и российских партий социалистической ориентации немецкие социал-демократы смогли удержать власть, в том числе при поддержке армии. В Германии отсутствовали свои «большевики», способные радикализовать рабочий класс, который, несмотря на относительную многочисленность, не имел революционного сознания. Рабочие наивно хотели немедленного социализма, который, по их мнению, мог в короткий срок решить все социальные проблемы (Биллик 1961: 212). Многочисленные вооруженные выступления, организованные Коммунистической партией Германии вплоть до 1923 г., быстро подавлялись (Шульц 2018: 223).

Лидеры СДПГ рассматривали Совет народных уполномоченных как временный орган власти. Такой вариант устраивал руководство большинства рабочих и солдатских советов. Лозунг спартаковцев «Вся власть Советам» не получил нужной поддержки. К тому же следует отметить, что

новое государство базировалось на старом фундаменте. Им руководили те же люди, что и при кайзере (Патрушев 2004: 51).

Веймарская конституция, опубликованная 24 января 1919 г., несмотря на внешнюю демократичность, несла в себе зародыш будущих политических кризисов. Пропорциональная выборная система способствовала раздроблению партийной системы и возвышению национал-социалистов (Винклер 2013: 125). Архаичным осталось административное устройство страны как наследие кайзеровской Германии, где на территории одной Пруссии проживало две трети населения. Поэтому приход к власти А. Гитлера носил достаточно логичный характер и к тому же был поддержан не только видными немецкими промышленниками (Руге 1985: 187–189), но и зарубежными (в основном американскими) (Фомин 1978: 75).

Страны третьей генерации

Как уже говорилось, к СТГ относятся государства в основном так называемого третьего мира. СТГ имели свои особенности в рамках РП, которые заметно отличали эти государства от СПГ и СВГ. Если в СВГ развитие политических режимов носило в основном эволюционный характер, то в СТГ отсутствовал какой-либо потенциал трансформации старого порядка. Дальнейшее развитие было возможно лишь при условии разрушения не только политической системы, но и часто государства в целом.

В СПГ промышленные революции носили самостоятельный характер. В СВГ они в значительной степени были обусловлены сформировавшимся к середине XIX в. европейским экономическим пространством. В СТГ не было промышленных революций – была индустриализация под непосредственным руководством государства.

В СТГ капитализм отсутствовал как система, был капиталистический уклад. Уклад – это структура, которая, в отличие от системы, не имеет потенциала развития. То есть развитие возможно на основе другого базиса. Отсутствие капиталистической системы предопределило слабость буржуазии в СТГ не только в экономической, но и в политической сфере. Буржуазия здесь так и не смогла организовать свою диктатуру во время революций, не смогла выдвинуть ни одного лозунга, который мог бы привлечь народные массы.

Для СТГ была характерна сильная финансовая зависимость от более развитых СПГ и СВГ. При этом предоставление займа обычно наполнялось политическим смыслом. Внутренняя слабость, превращающаяся в слабость международную, привязывала политику СТГ к чужим интересам.

В СТГ более 80 % населения проживало в сельской местности и имело традиционный крестьянский менталитет. Процесс раскрестьянивания здесь носил обычно крайне болезненный характер и не был полностью завершен. В будущем это имело не самые положительные последствия. События конца 1980-х – начала 1990-х гг. в Советском Союзе и «цветные ре-

волюции» исключительно в странах СТГ являются прямым следствием этой «незавершенности». Особенно это касается Украины. Все эти события не имели ничего общего с законами РП.

Россия

Уже в конце XIX в. в России начала формироваться революционная ситуация, причем на фоне развития промышленности (в основном тяжелой) и определенного улучшения качества жизни (Гиндин 1979: 81). Социальная система из «закрытой» становится «открытой», развивающейся. Происходит сегментация общества. Каждый сегмент уже живет определенными ожиданиями. Средний класс – дальнейшего улучшения качества жизни, правые – укрепления самодержавия, левые – радикальной революции, либералы – конституционной монархии, крестьяне – справедливого распределения земли. Если ожидания не сбываются, происходит накопление отрицательной энергии, которая пока носит скрытый характер. При этом власть постоянно испытывает давление абсолютно несовместимых требований – различные социальные слои ждут от нее диаметрально противоположных действий.

В России капитализм не имел своих корней, так же как и в других СТГ. Здесь можно говорить о «русском капитализме», имевшем ряд особенностей, принципиально отличавших его от капитализма западного типа. В СТГ цивилизационный фактор играл намного большую роль, чем в западных странах (СПГ, СВГ). Для российской цивилизации были характерны коллективизм, общинность, приоритет духовных ценностей над материальными богатствами, принципы социальной справедливости (Ольштинский 2014: 29). Именно социальной справедливости. На Западе справедливость определялась законами не социальной, а экономической системы. Цивилизационные отличия отталкивали основную массу населения от капиталистических общественных отношений. Общинная этика отвергала протестантскую (Кондорский 2017б: 80).

Выкупные платежи крестьян русские помещики, в отличие от японских (Жуков 1998б: 60), не вкладывали в развитие капиталистической экономики, а «проедали». По характеру социального сознания русские купцы были больше простыми предпринимателями, чем капиталистами. Здесь можно вспомнить о значительной благотворительности многих представителей этого сословия. Предприниматель – не всегда капиталист.

В России капитализм имел форму уклада, а не системы, как в западных странах. Уклад, в отличие от системы, не имеет потенциала развития. Для появления капиталистической системы нужен достаточный объем капитала, чего в России не было. Для сравнения – капитал одной только американской «Юнайтед Стил корпорейшн» равнялся совокупному капиталу всех индустриальных и торговых компаний России (Уткин 2001: 19).

Сознание российского крестьянина воспринимало землю как божью, ничью (Кабытов 1990: 60). Отсюда – полное неприятие частной собственности на землю, требование отменить ее продажу (Шанин 1997: 214). Крестьянину был чужд буржуазный взгляд на собственность как источник богатства (Миронов 2010: 670). Землю считали общим достоянием тех, кто ее обрабатывает. Крестьянский мир с его с его внутренними социальными законами показал исключительную устойчивость.

На рубеже XIX–XX вв. Россия попадает в финансовую зависимость от Франции. За счет колоссальных займов Франция пыталась удержать Россию в союзе (Уткин 2002: 17). Достаточно сказать, что доля России в общемировой задолженности составляла 31 % (Завалько 2005: 172). Иностранные компании, обосновавшиеся в России, были частью своей капиталистической системы и действовали в первую очередь в ее интересах.

Революция 1905–1907 гг. развеяла иллюзии в отношении «доброты батюшки царя» в лице Николая II и у рабочих, и у крестьян (Верт 2006: 56). Политическую точку в революции поставил указ царя от 3 июня 1907 г., окончательно превративший Думу из законодательного органа в совещательный, что испортило отношение власти и с либералами. На парламентаризме в России был поставлен крест. Начался необратимый процесс отчуждения верховной власти. К тому же революция показала инертность и дряблость русской буржуазии, ее антиреволюционность (Тютюкин, Шелохаев 1996: 7).

В этот период крестьянство стало превращаться в самостоятельную силу. Еще в 1902 г. наблюдался широкий размах крестьянских волнений (Шацилло 1980: 18), который усилился во время революции и носил характер погромов помещичьих усадеб. Причем погромы в большинстве случаев носили организованный характер. Им предшествовали сельские сходки, на которых утверждались приговоры. Это нельзя назвать разбоем. Крестьянские выступления в этот период были упорядочены и не похожи на разгул ненависти и вандализма в период Гражданской войны.

Чтобы предотвратить подобного рода эксцессы в будущем, председателем Совета министров П. А. Столыпиным и его окружением была задумана реформа, целью которой являлось разрушение общины и пробуждение инстинкта частной собственности у крестьян. Мыслилось появление слоя крестьян-собственников типа европейских фермеров (Зырянов 1991: 20). Однако крестьяне-буржуа, которых мы видим в кинофильме «Соломенная шляпка», так и не появились. И дело не во внешнем виде, а в характере сознания. Те же кулаки по своей ментальности мало чем отличались от обычных крестьян-общинников.

Столыпинская реформа провалилась в первую очередь политически. Закон от 14 июня 1910 г. не только не снял социальную напряженность, но усилил ее до предела (Аврех 1991: 89). Деревня решительно отвергла любые попытки внедрения капиталистических отношений в своей среде.

Абстрактность замысла столыпинской реформы в значительной степени объяснялась тем, что ее сочиняли люди, плохо знавшие русскую деревню. В итоге политика Столыпина по разным причинам не смогла устроить ни народ, ни либералов, ни левых, ни самого царя (Тютюкин, Шелохаев 1996: 135). К тому же купля-продажа земли носила простой характер. Новые дворяне, купцы, мещане покупали землю в основном из соображений престижа.

Трагедия П. А. Столыпина, умного политика и талантливого организатора, особенно на фоне бесцветного императора и его окружения, заключалась в том, что с началом РП начинают действовать законы, независимые от сознания. Любые попытки реформ лишь создают дополнительные условия для последующих революционных событий. При всем желании Столыпин не смог бы построить «великую Россию» на прогнившем фундаменте.

То же самое относится к попыткам председателя Совета министров С. Ю. Витте провести своеобразную индустриализацию под руководством государства. Правительство, возглавляемое Витте, стремилось подчинить своему ведению сферу частной хозяйственной деятельности (Федоров 1998: 47). Важную роль играли казенные заказы, которые ставили частного владельца в зависимость от государства (Ольштинский 2014: 26). Витте делал главную ставку на привлечение иностранного капитала, считая, что Россия – не Китай и иностранный капитал никогда не вытеснит национальный (Верт 2006). Это было его главной ошибкой.

Последующая Первая мировая война вскрыла все эти «гнойники». И Витте, и Столыпин, и Коковцов понимали гибельность для российского самодержавия войны с Германией (Оськин 2014: 23). В известной записке Николаю II бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново убедительно показал, что даже победа над Германией не столько бы решила существующие проблемы, сколько создала новые (Пайпс 1994: 239). Россия вступила в войну, не имея ясно очерченной цели. Она выполняла свои союзнические обязательства перед Францией (Уткин 2008: 50).

В конечном итоге революция стала логичным следствием бездарной политики (во всех сферах) царского режима. Важно проследить характер эволюции основных политических сил после Февральской революции. Лидеры Прогрессивного блока (куда входили представители шести фракций), будучи ведущей силой в начальный период революции, оказались слабыми политиками. Так же как и в других СТГ, буржуазия не смогла установить свою диктатуру вследствие отсутствия у нее революционного сознания. Февральская революция не явила миру новых Дантонов и тем более Робеспьеров (Булдаков 1997: 61).

Следует обратить внимание на закономерность, которая в той или иной степени была характерна для всех революций. Атмосфера первых дней после победы революции характеризовалась полной эйфорией и ли-

кованием. Толпа считала, что власть все может. В воображении обывателя рисовался некий бытовой уклад, сводившийся к непрерывному промению и хорошему жалованию. Образованная часть общества обомлела перед открывающимися перспективами демократии (Булдаков 1997: 56–62). Включение термина «демократия» в собственный политический лексикон стало обязательным для всех политических сил – от большевиков до корниловцев (Колоницкий 1997: 110)

Став носителями государственной власти, депутаты Думы пребывали в ими же придуманном пространстве. В первых декларациях провозглашалась великая демократия, но не было ни слова о том, как решить гигантские экономические, политические и социальные проблемы. Конечно, лидеры буржуазных партий были высокообразованными людьми, но «наивными» в рамках политической системы, законы которой они не понимали и не «чувствовали». Всего лишь за полгода «временные» министры всех трех коалиционных правительств растеряли весь свой кредит доверия. В. С. Завойко из окружения Корнилова определил этот период как эпоху сверхпомпадуства (Июффе 1987: 114).

На этом фоне совершенно по-другому выглядели большевики. Несмотря на то что после июльских событий на большевиков ополчились и буржуазия, и социалистическая пресса, руководству партии удалось не только за три месяца восстановить полное доминирование в Советах всех уровней, но и взять власть в свои руки. Сила большевиков заключалась не в призывах к социализму, представления о котором оставалось у народа еще крайне туманным, а в ряде конкретных действий по доведению до конца демократической революции, что нашло выражение в радикальном решении вопросов о мире и земле.

Руководство эсеров и меньшевиков находилось в плену стереотипов, характерных для европейских буржуазных революций, и не понимало, не осознавало специфику России и конкретной ситуации, сложившейся после Февральской революции. Подобного рода заблуждения были характерны и для части руководства большевиков в лице Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева.

В некоторых публикациях, посвященных событиям 1917 г., часто ругают «плохих» большевиков за то, что они разогнали Учредительное собрание. Как известно, в Собрании большинство досталось эсерам. Следует отметить, что эсеры ничего не смогли противопоставить большевикам ни после Октябрьской революции, ни во время Гражданской войны. Если предложить теоретически, что эсеры оказались у власти, то через небольшой промежуток времени они сами разогнали Собрание, установив диктатуру, близкую к итальянскому варианту фашизма. Россия в этом случае пошла бы по польскому пути. Что стало с этой страной через две недели после нападения на нее Германии, мы знаем из истории.

Февральская революция означала переход своеобразного рубикона, после которого начался необратимый процесс разрушения государства. Переход Цезарем Рубикона породил целую цепь гражданских войн, которые завершились в итоге установлением Октавианом на основе массовых проскрипций диктатуры принципата – нового типа политического управления, нового типа государства. В 1920–30-е гг. в России роль Октавиана сыграл И. В. Сталин. Его диктатура помогла Советскому Союзу провести индустриализацию.

Проводимая им в этот период политика политической и экономической автаркии способствовала минимизации отрицательных последствий экономических кризисов, затронувших западные страны (особенно после 1929 г.). Данный фактор сыграл не последнюю роль в формировании мощного внутреннего регенерационного потенциала, который проявил себя во время Великой Отечественной войны (Тибо 1998: 90). Нынешняя устойчивость России против западных санкций уходит своими корнями именно в этот период.

Как уже говорилось выше, в предреволюционной Франции корпоратизация мешала ее развитию. Понимая это, Сталин всеми способами боролся с этим явлением. Корпоратизация – это такая социальная «болезнь», которая поражает любую профессионально-бюрократическую систему за достаточно короткий срок. Поэтому Сталин был вынужден держать подобного рода структуры в режиме напряжения. Это сыграло важную роль в победе Советского Союза в Великой Отечественной войне, обеспечило высокий уровень эффективности мобилизационных мероприятий.

После смерти вождя в руководстве страны произошло расслабление. Многие общественные процессы вышли из-под контроля партии и были пущены на самотек. Начались процессы корпоратизации на всех уровнях, в первую очередь в самой КПСС. Все это способствовало деформации общественного сознания населения и руководства страны и сыграло не последнюю роль в ее развале.

В интересной ситуации оказался СССР после Великой Отечественной войны. Объективно став сверхдержавой, Советский Союз, согласно законам РП (в котором он находился), не мог быть таковой в качестве субъекта геополитического пространства. Для поддержания своего статуса стране приходилось тратить несоизмеримо большие ресурсы по сравнению с государствами, где РП уже закончился.

В России, так же как и в других СТГ, РП закончился в 1990-е гг. Он пришелся в основном на годы советской власти. Соответственно, сформировался «советский» базис политико-экономической системы как «фундамент», на котором сейчас строится «новый дом». Надстройка должна соответствовать базису. Это закон, от которого никуда не денешься. К тому же данный базис нельзя изменить волевым путем, не разрушив при этом государства. В России доморощенные либералы попытались в 1990-е гг.

построить «новый дом» по западным лекалам. Это чуть не привело к распаду государства и необратимой деградации экономики.

Если бы не был изменен либеральный курс, Россия имела бы то, что сейчас происходит на Украине. Здесь «советский» базис был полностью проигнорирован и образовавшийся «вакуум» стал заполняться различными элементами и институтами этнического сознания. Вместо реального пространства, имеющего естественные законы, стало формироваться искусственное – иллюзорно-мифологического типа. Возник кризис национальной идентичности вследствие попытки консолидации общества на основе поиска внутреннего и внешнего врага.

В Восточной Германии, Чехословакии, Венгрии, Польше, несмотря на то, что здесь РП завершился после окончания Второй мировой войны и сформировался «буржуазный» базис, с помощью Советского Союза была образована коммунистическая надстройка. Подобного рода противоречия объясняют легкость перехода этих стран в конце 1980-х гг. к исходному состоянию. Интересная ситуация в свое время сложилась в Югославии. Если Хорватия и Словения (основные инициаторы распада федерации) ближе к СВГ, то Сербия – к СТГ. В Советском Союзе инициаторами распада государства стали прибалтийские республики с их буржуазным менталитетом.

Китай

Феодалная революция в Китае носила атипический характер. В Восточной Азии не оказалось этноса, который смог бы сыграть роль германских племен в Западной Европе. В более чем 700-летний период, предшествующий феодальной революции, неоднократные попытки создания стабильной государственности на базе кочевых племен степей Центральной Азии окончились неудачей. Феодализм появляется в Китае только при династии Сун в X в. (Кондорский 2016). Причем китайские феодалы были не из военного, а из гражданского сословия. После изгнания монголов попытки первого императора династии Мин Чжу Юаньчжана провести реформы ни к чему не привели (Боровкова 1979: 120). В период последующего господства маньчжуров вся общественная жизнь в Китае была полностью законсервирована.

В СВГ в рамках РП можно выделить два основных этапа. Вначале революционные процессы происходят в рамках старой политической системы, старого сознания на основе постепенной трансформации. Предпринимаются попытки решить накопившиеся проблемы путем учреждения конституции. В этот период создаются условия для появления капитализма как системы.

В СТГ отсутствовал какой-либо потенциал реальной трансформации старого порядка. Как уже говорилось выше, дальнейшее развитие было возможно лишь при условии разрушения не только старой системы, но и

самого государства в целом. Что и имело место в Китае, Турции, России. Попытка реформ «сверху» в 1898 г. закончилась полным провалом. Партия реформистов «периода 100 дней» была заранее обречена на гибель. Ее декреты и воззвания остались гласом вопиющего в пустыне (Ходоров, Павлович 1925: 11).

Синьхайская революция 1911–1912 гг. произошла на основе старого сознания. Ведущую роль сыграли «новые военные» и члены различного рода тайных обществ (Кузнецов 2004: 4–5). Так же как и в других СТГ, старый режим был вынужден создавать условия для последующих революций. Формируя «новую армию» для укрепления своего господства, Цины создали в ее лице опасную для себя силу, которая повернула свое оружие против династии (Чудодеев 2013: 205). Несмотря на то что восстание началось в провинции и заговорщики к тому же остались без руководства, в течение короткого времени революционное движение распространилось на Центральный и Южный Китай (Белов 1958: 21).

После того как во время революции 1925–1927 гг. было полностью разрушено старое государство, дальнейшее историческое развитие Китая сопровождалось противоборством двух основных политических сил – Гоминьдана и Коммунистической партии Китая. Попытка создания «третьей силы» на базе интеллектуальной элиты, придерживающейся китайской версии европейской буржуазно-реформистской концепции, закончилась провалом (Белоусов 1989: 86).

В своей основе Гоминьдан был мелкобуржуазной партией. Будучи массовым движением, он объединял в своих рядах основные страты китайского общества, включая рабочих. Пестрота состава партии, столкновение противоречивых интересов, представленных в ней социальных слоев и групп вели только к ее ослаблению (Глунин 1978). Была даже предпринята попытка идеологической консолидации на основе создания внутри Гоминьдана организации фашистского толка – Фусин шэ (Общество возрождения) (Попов 2007: 53).

Все это не позволило Гоминьдану создать эффективную диктатуру. Не последнюю роль сыграл тот факт, что Чан Кайши был «мелкотравчатым» политиком (Далин 1927: 52), не был реформатором с большой буквы. Чан Кайши не предложил китайскому народу никакой программы экономических и социальных преобразований (Бурлацкий 2002: 367).

После мучительных поисков своего пути (включая союз с Гоминьданом) Коммунистическая партия Китая к началу 1930-х гг. сделала окончательную ставку на вооруженную борьбу, хотя еще на Первом съезде КПК основной целью была провозглашена пролетарская революция в духе троцкистской теории перманентной революции (Панцов 2001: 63). Основу Красной армии составляли крестьяне. При самом активном участии Мао Цзэдуна в «красных зонах» путем последовательной политической работы, а то и репрессий было инактивировано патриархальное сознание кре-

стьян, вырванных из традиционной общины. Это дало КПК идеальный «материал» для формирования боеспособной и дисциплинированной армии-партии (Шорт 2001: 180).

Мао был марксистом, но глубоко укорененным в китайской традиционной культуре (Маомао 2001: 194). Именно учет цивилизационной специфики Китая позволил КПК одержать верх над Гоминьданом. Подобного рода фактор доминировал и в других СТГ. Сталинская теория самодовлеющего развития аккумулировала традиционные ценности политической культуры России. Сталинизм явился логическим результатом дальнейшего приспособления марксистской теории к специфическим условиям России (Панцов 2001: 122–123).

Как уже говорилось выше, РП имеет свои законы. Победу обычно одерживала политическая сила, руководители которой интуитивно чувствовали эти законы с учетом специфики данной страны. Революционный процесс развивается по объективным законам. Революция сама формирует ее лидеров, трансформируя их сознание. Ни Дантону, ни Робеспьеру в начале революции даже в самом кошмарном сне не могло присниться, что через четыре года они будут голосовать за казнь короля. Тем более что в молодости оба были монархистами (Молчанов 1989: 63–64). Принципиальное отличие СТГ заключается в том, что здесь будущие революционеры уже в молодом возрасте порывали со своим классом и сословием.

Более 20 лет истории Китая прошло при «органическом» руководстве Мао Цзэдуна. Дело в том, что к этому времени Мао из личности превратился в явление. Он являлся уже не просто руководителем партии и государства, а органической частью государственно-партийного «тела», его головой. Ни партия, ни государство сами по себе, вне власти Мао Цзэдуна, просто не существовали (Галенович 2005: 6). Нечто похожее наблюдалось и в других СТГ в лице В. И. Ленина, И. В. Сталина, М. К. Ататюрка, Хо Ши Мина.

Анализируя сущность событий, связанных с «культурной революцией», нужно иметь в виду, что внутренняя логика исторического процесса часто носит парадоксальный характер, неподвластный обыденному сознанию. Можно со всей ответственностью утверждать, что если бы не было «культурной революции», не было бы современного Китая. Любые «перестройки» горбачевского типа привели бы к развалу государства и гражданской войне. Решительные меры, направленные в свое время на подавление «майдана» в 1989 г., с учетом последних событий на Украине, носили более чем разумный характер.

Турция и Иран

В Иране, несмотря на арабское завоевание, феодальная революция имела местные корни, связанные с периодом феодализации в рамках государства Сасанидов. Не надо забывать, что цивилизационные истоки этого региона

уходили в глубокую древность. Османскую империю следует рассматривать как преемницу Византии, воспринявшую у нее многовековой опыт административного управления государством. Поменялась только элита (что для Византии было обычным делом) и «внешняя религиозная окраска». Мусульманская религия здесь не имела глубоких корней, так же как Византийскую империю нельзя было назвать органической частью христианского мира в Европе. Османы решительно порвали со своими кочевыми корнями. Кочевники превратились в презираемый слой населения. По существу, как ни покажется странным, Османскую Порту следует считать наследницей феодальной революции в Византии.

Как уже говорилось выше, попытки реформ «сверху» в СТГ обычно заканчивались полным крахом. Первый турецкий конституционный монарх Абдул Хамид, прозванный Кровавым, в конечном итоге установил режим полного произвола во всех сферах общественной деятельности. Слова «свобода», «равенство», «право», «конституция» были запрещены (Гасратян и др. 1983: 138–140). То же самое относится к реформам Таги-Хана в Иране (Алиев 2004: 63–64).

В Иране влияние национальной буржуазии на государственную политику долгое время оставалось незначительным (Алиев 2004: 149). Появляется компрадорская буржуазия, которая зависела от мирового рынка и не способствовала развитию собственной промышленности (Годес 1928: 27). Иран превращается в рынок сбыта дешевых промышленных товаров западного производства. Как результат – разрушение ремесла и домашней промышленности (Агаев 1981: 18). Точно такие же процессы имели место в Турции в период, предшествующий началу РП.

И в Турции, и в Иране (так же как и в других СТГ) главной формой зависимости была финансовая. Практика регулярных займов в Турции привела к тому, что в 1878 г. одни проценты по займам достигли чудовищной для страны цифры в 14 млн фунтов (Годес 1928: 10). То же самое относится к займам иранского шаха у иностранных держав (Дорошенко 1998: 35). В результате чего Турция и Иран были вынуждены передать таможенную систему под контроль западных стран-кредиторов. Почти половина бюджетных расходов Османской империи шла на погашение долга (Петросян 2003: 304).

Выше уже была отмечена ведущая роль государства в развитии промышленности в СТГ (этатизм). Убежденным сторонником и инициатором подобного рода политики в Турции был М. К. Ататюрк. Этатизм мыслился им как комплекс государственно-капиталистических мероприятий, нацеленных на создание государственного сектора в условиях свободы рыночных отношений (Владимирский 2014: 300).

Для Турции и Ирана была характерна ведущая роль армии. Именно офицеры (причем не самого высокого звания) стали основными субъекта-

ми Младотурецкой революции 1908 г. В культурном и политическом отношении в Турции армия была самой передовой группой в стране (Годес 1928: 36). Для турецкого офицерства был характерен высокий уровень образования (Шпилькова 1977: 31). В послевоенный период обычным явлением в Турции был приход военных к власти. Следует обратить внимание, что после окончания РП попытка военного переворота в 2016 г. закончилась полным крахом.

Формой правления Р. Пехлеви, так же как и его отца, была личная диктатура, сопровождающаяся узурпацией законодательной и исполнительной власти (Арабаджян 1989: 26–27). Успех духовенства во время Исламской революции в значительной степени определился ее способностью создать диктатуру. В отличие от буржуазии, лидер которой А. Банисадр отсутствовал в действенной политической организации пытался компенсировать бесконечными речами, малопонятными широким массам населения (Агаев 1987: 26–27).

Арабские страны и Тропическая Африка

В арабских странах РП начался только после Второй мировой войны. «Арабская весна» стала закономерным проявлением внутренних процессов в рамках РП. Если учесть, что длительность РП обычно составляет около 100 лет, состояние нестабильности на Ближнем Востоке будет продолжаться еще до середины XXI в. Следует также иметь в виду, что, несмотря на подавление запрещенного в России ИГИЛ, идея «халифата» как основной источник политической нестабильности по-прежнему сидит в этническом сознании молодежи.

Поздние сроки наступления РП в арабских странах были связаны с тем, что если в Западной Европе феодализм формировался на основе общин, начисто лишенных племенного сознания, то на Ближнем Востоке традиционно-племенная основа социального сознания сохранилась в тех или иных формах не только в сельской местности, но и в городах на уровне этнического сознания (за исключением Египта). В последние 20 лет произошла активизация племенного традиционного сознания в большинстве арабских государств, что привело к политической сегментации Сомали, Ливии, Йемена, Сирии. Именно сохранение глубинной языческой основы, принявшей внешнюю форму строгого монотеизма, способствовало появлению радикального исламизма.

Несмотря на то что начиная со второй половины XIX в. молодежь начинает принимать активное участие в революционных событиях (в частности, студенчество), она в плане своего сознания находится не в собственно революционном, а в иллюзорном пространстве, является субъектом революционных событий, но не процессов. В арабских странах во время «арабской весны» основной движущей силой оказалась молодежь, которая здесь составляет около 40 % населения (Васильев 2011: 2).

Иллюзорность способствовала тому, что для понимания происходящих процессов приходится использовать не основные категории экономической и политической систем, а такие понятия, как «экономическое самоощущение» (Фитуни 2012: 7), «противоречия между ожиданиями молодежи и возможностями их реализации» (Васильев, Петров 2012: 36), «ухудшение возможностей удовлетворения потребностей» (Ланцов 2013: 147).

Иллюзорный характер носили и ожидания той же молодежи. В первую очередь в плане использования мнимых миллиардов прежнего политического руководства на зарубежных счетах (Васильев 2011: 4). Называлась цифра в 60 млрд долларов. Как ни странно, такая же цифра приписывалась бывшему президенту Украины В. Януковичу и его семье.

«Арабская весна», несмотря на внешнюю схожесть с «цветными революциями», происходила по законам РП, революционного пространства (Кондорский 2022: 422). Все «цветные революции» были характерны только для СТГ и организовывались внешними силами (Он же 2018). Во время «арабской весны» не просматривалось определяющего влияния западных стран (Васильев 2012: 72).

В Тропической Африке РП начался в 1960-е гг. С учетом специфики предыдущего исторического периода (здесь практически отсутствовали феодальные революции), протекание РП носит крайне сложный и мучительный характер. Навязываемые Западом свободный рынок и демократия воспринимаются и преломляются традиционным племенным сознанием. На бытовом уровне доминируют не объективные законы политической и экономической систем, а законы «престижной экономики». Все эти моменты нужно учитывать для понимания современной ситуации в африканских странах. В частности, нельзя применять критерии, характерные для западных стран, при оценке таких явлений, как коррупция и «геноцид» во время гражданских войн.

Библиография

- Авербух Р. А. 1965. *Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848–1949 гг.* М.: Наука.
- Авербух Р. А. 1970. *Революция в Австрии (1848–1849 гг.)*. М.: Наука.
- Аврех А. Я. 1991. *Столыпин и судьбы реформ в России*. М.: Политиздат.
- Агаев С. Л. 1981. *Иран в прошлом и настоящем. Пути и формы революционного процесса*. М.: Наука.
- Агаев С. Л. 1987. *Иран между прошлым и будущим. События, люди, идеи*. М.: Политиздат.
- Алиев С. М. 2004. *История Ирана. XX век*. М.: ИВ РАН – Крафт.
- Аптекер Г. 1962. *История американского народа. Американская революция 1763–1983*. М.: Изд-во ин. лит-ры.

- Арабаджян А. З. (Ред.) 1989. *Иранская революция 1978–1979. Причины и уроки*. М.: Наука.
- Архангельская И. Б. 2014. Тема американского Юга в романе М. Митчелл «Унесенные ветром». *Вестник НижГТУ* 3: 267–274.
- Барг М. А. 1967. *Народные низы в Английской революции. XVII в.* М.: Наука.
- Бацер М. И. 2002. Левеллеры против Кромвеля (1647–1649 гг.). *Новая и новейшая история* 3: 93–112.
- Белов Е. А. 1958. *Революция 1911–1913 годов в Китае*. М.: ИВ АН СССР.
- Белоусов С. Р. 1989. *Китайская версия «государственного социализма» (20–40-е годы XX в.)*. М.: Наука.
- Берштейн Э. 1922. *Германская революция. История ее возникновения и ее первого периода*. Берлин; Дрезден: Восток.
- Биллик В. И. 1961. О фальсификации истории Германской революции 1918–1919 гг. в буржуазной реформистской историографии. *Критика новейшей буржуазной историографии* / Ред. О. Л. Вайнштейн, с. 195–226. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Блинов А. И. 1960. *Период революционной диктатуры радикальных республиканцев во время Реконструкции США (1966–1968 гг.)*. Красноярск: КГПИ.
- Боровкова Л. А. 1979. Материалы о политике Мин в конце XIV в. по вопросу о социальной организации деревни. *Социальная и социально-экономическая история Китая* / Ред. В. П. Илюшечкин, с. 116–133. М.: Наука.
- Брюханов В. А. 2005. *Заговор против мира. Кто развязал Первую мировую войну*. М.: АСТ, Астрель.
- Булдаков В. П. 1997. *Красная смута. Природа и последствия революционного насилия*. М.: РОССПЭН.
- Бурлацкий Ф. М. 2002. *Мао Цзэдун, Цзян Цин и советник Дэн*. М.: Эксмо-Пресс.
- Васильев А. М. 2011. Цунами революций не спадает. *Азия и Африка сегодня* 6: 2–9.
- Васильев А., Петров Н. 2012. *Рецепты Арабской весны: русская версия*. М.: Алгоритм.
- Верг Н. 2006. *История Советского государства. 1900–1991*. М.: Весь Мир.
- Винклер Г. А. 2013. *Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии*. М.: РОССПЭН.
- Владимирский А. В. 2014. *Великий Ататюрк*. М.: Яуза, Эксмо.
- Волкова Г. И., Дементьева А. В. 2005. *Политическая история Испании XX века*. М.: Высшая школа.
- Галенович Ю. М. 2005. *Смерть Мао Цзэдуна*. М.: Изографъ.
- Гарсиа Х. 1963. *Диктатура Примо де Ривера*. М.: Изд-во АН СССР.
- Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. 1983. *Очерки истории Турции*. М.: Наука.
- Генифе Н. 2003. *Политика революционного террора 1789–1794*. М.: УРСС.

- Гиндин И. Ф. В. 1970. В. И. Ленин об общественно-экономической структуре и политическом строе капиталистической России. *В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России* / Ред. Л. М. Иванов, с. 230–317. М.: Наука.
- Глунин В. И. 1978. Политика Коминтерна в Китае (1921–1927). *Коминтерн и Восток. Критика критики* / Ред. Р. А. Ульяновский, с. 207–244. М.: Прогресс, 1978.
- Годес М. 1928. *Что такое кемалистский путь и возможен ли он в Китае*. Л.: Прибой.
- Годс М. Р. 1994. *Иран в XX веке*. М. Наука.
- Далин С. 1927. Очерки революции в Китае. М.; Л.: Московский рабочий.
- Дорошенко Е. А. 1998. *Шиитское руководство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг.* М.: ИВ РАН.
- Драбкин Я. С. 1978. *Становление Веймарской республики*. М.: Наука.
- Ерохин В. Н. 2017. Религиозный фактор в происхождении Английской революции. *Вестник СПбГУ. Сер.: История* 62(3): 560–576.
- Желубовская Э. А. 1956. *Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции*. М.: Изд-во АН СССР.
- Жуков А. Е. (Ред.) 1998а. *История Японии. Т. I. С древнейших времен до 1868 г.* М.: ИВ РАН.
- Жуков А. Е. (Ред.) 1998б. *История Японии. Т. II. 1868–1998*. М.: ИВ РАН.
- Завалько Г. А. 2005. *Понятие «революция» в философских и общественных науках*. М.: КомКнига.
- Зырянов П. Н. 1991. *Столыпин без легенд*. М.: Знание.
- Иоффе Г. З. 1987. *Великий Октябрь и эпилог царизма*. М.: Наука.
- Кабытов П. С. 1990. *Русское крестьянство в начале XX века*. Саратов: Изд-во СарГУ.
- Ковальская М. И. 1981. *Италия в борьбе за национальную независимость*. М.: Наука.
- Кожокин Е. М. 1989а. *Государство и народ: от Фронды до Великой французской революции*. М.: Наука.
- Кожокин Е. М. 1989б. Французская буржуазия на исходе старого порядка. *Буржуазия и Великая Французская революция* / Ред. А. В. Адо, с. 15–50. М.: Изд-во МГУ.
- Колоницкий Б. И. 1997. Демократия как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции. *1917 год в судьбах России и мира* / Ред. П. В. Волобуев, с. 109–118. М.: ИРИ.
- Кондорский Б. М. 2013. Архаическая революция в Древнем Китае. *Общество и государство в Китае* / Ред. А. И. Кобзев. Т. XLIII. Ч. 2, с. 6–28. М.: ИВ РАН.
- Кондорский Б. М. 2016. Феодалная революция в Китае (к постановке вопроса). *Общество и государство в Китае* / Ред. А. И. Кобзев. Т. XLVI. Ч. 1, с. 24–40. М.: ИВ РАН.

- Кондорский Б. М. 2017а.** Основные предпосылки и уроки революционных событий в России и Китае как странах третьей генерации. *Общество и государство в Китае* / Ред. А. И. Кобзев. Т. XLVII. Ч. 2, с. 668–687. М.: ИВ РАН.
- Кондорский Б. М. 2017б.** Попытка анализа характера развития капитализма в России в конце XIX – начале XX века с позиций концепции революционного периода. *Журнал региональной истории* 3: 73–91.
- Кондорский Б. М. 2018.** «Революции» после революций («цветные революции» с позиций теории революционного периода). *История и современность* 4: 88–107.
- Кондорский Б. М. 2020а.** Использование теории революционного периода для глобального прогноза. *VI Международный научный конгресс «Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества»* / Ред. И. В. Ильин, с. 402–407. М.: МГУ ФГП.
- Кондорский Б. М. 2020б.** Революционная концепция процесса исторического развития. *VI Международный научный конгресс «Глобалистика-2020. Глобальные проблемы и будущее человечества»* / Ред. И. В. Ильин, с. 566–571. М.: МГУ ФГП.
- Кондорский Б. М. 2021а.** К вопросу об истории государственности Украины. *История и современность* 1: 54–81.
- Кондорский Б. М. 2021б.** Некоторые аспекты теории общественных систем. *История и современность* 4: 85–115.
- Кондорский Б. М. 2022.** Революционный период в мусульманских странах. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. Л. Е. Гринин. Т. 13, с. 403–478. Волгоград: Учитель.
- Кондорский Б. М. 2024.** Концепция революционного периода (исторические предпосылки на примере Франции). *Исторический формат* 1: 80–92.
- Кузнецов В. С. 2004.** Синьхайская революция. *Вопросы истории* 10: 3–21.
- Лавровский В. М. 1958.** Проблемы и исследования земельной собственности в Англии XVII–XVIII вв. М.: Изд-во АН СССР.
- Ланцов С. А. 2013.** Революционные процессы на Ближнем Востоке: социально-политические механизмы и геополитические последствия. *Политэкс* 1: 144–159.
- Ларин А. Г. 2000.** Два президента, или путь Тайваня к демократии. М.: Академия.
- Лебедева И. П. 1996.** Роль государства в экономическом развитии. *Размышления о японской истории* / Ред. А. Е. Жуков, с. 66–79. М.: ИВ РАН.
- Левин Г. Р. 1973.** Демократическое движение в Английской буржуазной революции. Л.: ЛГПИ.
- Люблинская А. Д. 1982.** Французский абсолютизм в первой половине XVII в. М.; Л.: Наука.
- Майданик К. Л. 1960.** Испанский пролетариат в национально-революционной войне 1936–1937 гг. М.: Изд-во АН СССР.

- Майский И. М. 1957. *Испания. 1808–1917: исторический очерк*. М.: Изд-во АН СССР.
- Малов В. Н. 1991. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М.: Наука.
- Маомао. 2001. *Мой отец Дэн Сяопин. «Культурная революция»: годы испытаний*. М.: Муравей-Гайд.
- Миронов Б. Н. 2010. *Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века*. М.: Новый хронограф.
- Молчанов И. Н. 1989. *Монтаньяры*. М.: Молодая гвардия.
- Ольштинский Л. И. 2014. *Советское общество. История строительства социализма в России*. Кн. 1. М.: ИТРК.
- Оськин М. В. 2014. *История Первой мировой войны*. М.: Вече.
- Пайпс Р. 1994. *Русская революция. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917*. М.: РОССПЭН.
- Панцов А. В. 2001. *Тайная история советско-китайских отношений*. М.: Муравей-Гайд.
- Патрушев А. И. 2004. *Германия в XX веке*. М.: Дрофа.
- Петросян Ю. А. 2003. *Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки*. М.: Эксмо.
- Попов А. П. 2007. *Политические системы и политические режимы в Китае XX века*. М.: Экзамен.
- Поршнев Б. Ф. 1948. *Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648)*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Потемкин Ф. А. 1971. *Промышленная революция во Франции: в 2 т. Т. 1*. М.: Наука.
- Ревуненков В. Г. 1989. *Очерки по истории Великой Французской революции 1789–1799*. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Ревякин А. В. 1988. Революция и экономическое развитие Франции в первой половине XIX в. *Французская революция XVIII века. Экономика, политика, идеология* / Ред. Г. С. Кучеренко, с. 246–267. М.: Наука.
- Розов Н. С., Пустовойт Ю. А., Филиппов С. И. 2018. Динамика революционной волны: сравнительная политология «Весны народов». *Вестник ТомГУ. Сер.: Философия. Социология. Политология* 44: 238–252.
- Розов П. С., Цыганков В. В. 2019. Закономерности в смуте: сравнительно-политологический анализ революционной волны 1848–1849 гг. в Австрийской империи. *Сравнительная политика* 1: 81–97.
- Руге В. 1985. *Как Гитлер пришел к власти. Германский фашизм и монополии*. М.: Мысль.
- Сидоренко Л. В. 2013. Исторические последствия Славной революции: к вопросу о революционности событий 1688–1689 гг. *Вестник СПбГУ. Сер. 2(3)*: 82–91.
- Собуль А. 1974. *Первая республика 1792–1804*. М.: Прогресс.
- Согрин В. В. 1980. *Идейные течения в Американской революции*. М.: Наука.

- Согрин В. В. 2005.** Война США за независимость как социально-политическая революция. *Новая и новейшая истории* 3: 84–98.
- Тибо П. 1998.** *Эпоха диктатур. 1918–1947.* М.: Крон-Пресс.
- Томсинов В. А. 2010.** «Славная революция» 1688–1689 годов в Англии и Билль о правах. М.: Зерцало-М.
- Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. 1996.** *Марксисты и русская революция.* М.: РОССПЭН.
- Удальцов И. И. 1947.** К вопросу о революционном движении в Чехии в 1848 году. *Вопросы истории* 5: 23–47.
- Уткин А. И. 2001.** *Первая мировая война.* М.: Алгоритм.
- Уткин А. И. 2002.** *Вторая мировая война.* М.: Алгоритм.
- Уткин А. И. 2008.** *Русские войны. Век XX-й.* М.: Алгоритм.
- Фалькович С. М. (Ред.) 2001.** *Европейские революции 1848. «Принцип национальности» в политике и идеологии.* М.: Индрик.
- Федоров В. А. (Ред.) 1998.** *История России XIX – начала XX в.* М.: Зерцало.
- Фитуни Л. Л. 2012.** «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений. *Мировая экономика и международные отношения* 1: 3–14.
- Фомин В. Т. 1978.** *Фашистская Германия во Второй мировой войне (сентябрь 1939 – июнь 1941 г.).* М.: Наука.
- Ходоров А. Е., Павлович М. П. 1925.** *Китай в борьбе за независимость.* М.: Научная ассоциация востоковедов.
- Хобсбаум Э. 1999.** *Век революции. Европа 1789–1848.* Ростов: Феникс.
- Цвейг С. 1989.** *Мария Антуанетта.* М.: Мысль.
- Черкасов П. П. 2012.** Наполеон III – император французов. *Новая и новейшая история* 3: 197–216.
- Чудинов А. В. 2007.** *Французская революция: история и мифы.* М.: Наука.
- Чудодеев Ю. В. 2013.** *Крах монархии в Китае.* М.: ИВ РАН-Крафт.
- Шанин Т. 1997.** *Революции как момент истины.* М.: Весь Мир.
- Шацилло К. Ф. 1980.** *1905-й год.* М.: Наука.
- Шорт Ф. 2001.** *Мао Цзэдун.* М.: АСТ.
- Шпилькова В. И. 1977.** *Младотурецкая революция 1908–1909 гг.* М.: Наука.
- Шульц Э. Э. 2018.** Ноябрьская революция 1918 г. в Германии и проблемы возникновения, развития и падения Веймарской республики. *Вестник ТомГУ* 426: 223–228.